
КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В ПОЭТИЧЕСКОЙ ВСЕЛЕННОЙ О. МАНДЕЛЬШТАМА

А.В. Хлыстова

Кафедра русской и зарубежной литературы
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена осмыслению времени как исторической, философской и бытийственной категории в творчестве О. Мандельштама. Эпохи, ушедшие в небытие, на самом деле существуют в культуре и искусстве и, подчиняясь власти художника, разворачиваются в вечности. Это понимание времени как хода истории. Но в то же время поэт определяет значение категории времени как особого измерения жизни. Суть его, согласно Мандельштаму, состоит в том, чтобы быть условием, катализатором и мерилем движения, изменения, развития личности. Время как «плоть деятельная, разрешающаяся в событие» присутствует в поэтической материи О. Мандельштама.

Ключевые слова: время, движение, Бергсон, рост личности, Мандельштам, культура, поэзия.

Когда задумываешься о сущности и значении времени, вспоминаешь афоризм О. Мандельштама: «Время — плоть деятельная, разрешающаяся в событие». Эта формула представляется не столько поэтической, сколько путеводной для понимания значения времени в нашей жизни.

Философское восприятие категории времени формируется в поэтическом сознании поэта во многом благодаря концепции А. Бергсона. Мандельштам в статьях и эссе неоднократно цитирует французского философа, значимое влияние Бергсона на его творчество отмечает и Н.Я. Мандельштам, жена поэта.

Согласно концепции французского философа, время объективное, пространственное (движение стрелки по циферблату) не релевантно сущности времени. Время «истинное» он считает чистой длительностью. Движение, длительность, по мнению Бергсона, и составляют сущность времени. В концепции Бергсона жизнь мыслится как поток, «жизненный порыв»: «реальность есть непрерывный рост, без конца продолжающееся творчество», жизненный порыв «состоит по существу в потребности творчества» [1. С. 247—248]. Таким образом, измерение времени — это изменение внутреннего Я человека. «Наша личность, строящаяся в каждое мгновение из накопленного опыта, постоянно меняется... поднимается, растет, зреет постоянно... „Я“, которое не меняется, не длится; и психологическое состояние, остающееся тождественным самому себе, пока не сменится следующим состоянием, — также не длится... Если мы обратимся к психологической жизни, развертывающейся под покрывающими ее символами, то без труда заметим, что время и есть ее ткань» [1. С. 4]. Каждый из моментов нашей жизни — это творческий акт, пишет Бергсон. Измерение времени дано человеку для изменений. Выстроить гармоничные отношения со временем можно путем наполнения его событиями, накапливая и расширяя экзистенциальную сущность каждого проживаемого мгновения. «Чем больше мы осознаем наше движение вперед в чистой длительности, тем больше чувствуем взаимопроникновение различных частей нашего существа и сосредоточение всей нашей личности в одной точке, или, вер-

нее, на одном острие, которое вдвигается в будущее, непрерывно его разрезая... предположим на миг, что материя и состоит в самом этом движении, пущенном далее, и что физическое — это просто перевернутое психическое» [1. С. 150]. Таким образом, время — это такая категория нашего бытия, которая помогает нам осознать изменения и одновременно толкает нас к совершенствованию. Это катализатор личностного роста.

Вслед за Бергсоном Мандельштам возражает против механистического, линейного понимания времени, называя таковое «метаморфозами ленточного червя» и «дурной бесконечностью»: «Движение бесконечной цепи явления, без начала и конца, есть именно дурная бесконечность, ничего не говорящая уму, ищущему единства и связи...» [4. С. 242].

...И с отвращением глядит на круг минут...

Альтернативный образ времени, выдвигаемый Мандельштамом в противовес линейному, — соты и сети. Шестигранники сот образуют гармоничную кристаллическую структуру, столь любимую Мандельштамом («соборы кристаллов»), и они — наполненные. Пчелы Персефоны собирают в соты солнечную тяжесть — мед.

Золотистого меда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела...

Соты и сети задерживают временной поток, замедляя его, создавая ощутимую тяжесть времени.

Сестры — тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы.
Медуницы и осы тяжелую розу сосут.
Человек умирает. Песок остывает согретый,
И вчерашнее солнце на черных носилках несут.
Ах, тяжелые соты и нежные сети!
Легче камень поднять, чем имя твое повторить.
У меня остается одна забота на свете:
Золотая забота, как времени бремя избыть.
Словно темную воду, я пью помутившийся воздух.
Время вспахано плугом, и роза землю была.
В медленном водовороте тяжелые нежные розы,
Розы тяжесть и нежность в двойные венки заплела.

Чередование согласных, различающихся по месту образования (м, в — т, д — ж) делает невозможным быстрое произнесение этих строк. В стихотворении пять раз употреблено слово *тяжесть* (*тяжелый*). Его синонимами в данном контексте выступают существительные: *носилки*, *камень*, *бремя* и глаголы с семой 'преодоление тяжести': *несут*, *поднять*, *избыть*, *вспахать*. Повтор разносклоняемых существительных на *-мя*, повтор звонких *в-б*, сонорных дрожащих *р-р* и носовых *м-м* на очень ограниченном отрезке стихотворного текста создает ощутимую затрудненность произношения, которая осознается как труд времени.

В сотах выкристаллизовывается мед — творческая эссенция жизни, дикий мед скандинавских мифов. Образ сот перекликается с изображением Notre Dame, гармонии, созданной из тяжести. Соты — это образ времени как такового, «кристал-

лизовавшейся вечности». Время, как и слово, — плоть деятельная, разрешающаяся в событие. Накапливаемый в них мед — события и перемены, которыми измеряется время.

«Что такое время? Бесплотное и всемогущее — оно тайна, неперемное условие мира явлений, движение, неразрывно связанное и слитое с пребыванием тел в пространстве и их движением. Существует ли время без движения? Или движение без времени? Неразрешимый вопрос! Есть ли время функция пространства? Или пространство функция времени? Или же они тождественны? Опять вопрос! Время деятельно, для определения его свойств скорее подходит глагол: «вынашивать». Но что же оно вынашивает? Перемены! „Теперь“ отлично от „прежде“, „здесь“ от „там“, ибо их разделяет движение!» [7. Т. 2. С. 7].

Итак, время деятельно, поскольку способно «вынашивать перемены». В эссе «Конец романа» Мандельштам писал: «Чувство времени дано человеку, чтобы действовать, побеждать, гибнуть, любить» [6. С. 303].

Время значимо постольку, поскольку подготавливает будущее изменение:

А небо будущим беременно...

Тогда становится понятно, почему «времени бремя» — это «золотая забота». Страшно, если время с безразличием проносится мимо, неиспользованное, пустое. Так было с Мандельштамом в 1920-х годах, когда он не мог определить свои отношения с эпохой и из-за ощущения бессмысленности времени потерял поэтический дар. Но если время ощутимо, тяжело («тяжелые соты»), наполнено смыслом, то его «бремя» становится счастьем.

У меня остается одна забота на свете
Золотая забота как времени бремя избыть.

Н. Струве называл Мандельштама «поэтом времени во всех его измерениях — и в большей степени, поэт своего времени» [9. С. 9].

Под «своим» Н. Струве понимал время политическое. Но «свое время» можно истолковать и как время своей жизни: срок, отпущенный личности на собственный путь, на достижение гармонии с собой и миром.

Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного меда,
Как нам велели пчелы Персефоны.
Не отвязать неприкрепленной лодки,
Не услышать в меха обутой тени,
Не превозмочь в дремучей жизни страха.
Нам остаются только поцелуи,
Мохнатые, как маленькие пчелы,
Что умирают, вылетев из улья.
Они шуршат в прозрачных дебрях ночи,
Их родина — дремучий лес Тайгета,
Их пища — время, медуница, мята.
Возьми ж на радость дикий мой подарок —
Невзрачное сухое ожерелье
Из мертвых пчел, мед превративших в солнце.

С точки зрения внешней сюжетности событийность стихотворения равна одному мгновению: протягивает в ладонях подарок. Рефрен помогает локализовать это действие во времени и пространстве: начало первой строфы: *Возьми на радость...* — начало последней строфы: *Возьми ж на радость...* Но внутри этого мгновения разворачивается совсем другое действие. В продолжениях приведенных строк обманчивая симметрия грамматически развенчивается: в первом случае «возьми» сочетается с косвенным дополнением в родительном падеже с локальным значением: *возьми на радость из моих ладоней*, и объект тоже стоит в родительном падеже — *немного солнца и немного меда*. В другой строке «возьми» имеет прямое дополнение в винительном падеже, которое распространяется также существительным в винительном падеже: *возьми на радость дикий мой подарок / Невзрачное сухое ожерелье*.

Заканчивается стихотворение фантазмагоричным образом: ожерелья из *мертвых пчел, мед превративших в солнце*. Умершие пчелы заново воссоздают солнце из меда. Время обернулось вспять? Обращение ко времени содержится в предыдущей строфе: *Их пища — время, медуница, мята*. Медуница ранее встречалась как пища пчел и ос, мята обладает тем же звуковым комплексом, что и *время* — *мя-та*. *Мята* и *медуница*, пчелы, питающиеся временем и воссоздающие из меда солнце, мертвые к тому же... это ирреальный потусторонний мир. С финала стихотворения антимир захватывает и его начало, происходит отождествление поцелуев, атрибута любви, и пчел, в данном случае атрибута царства мертвых:

Нам остаются только поцелуи,
Мохнатые, как маленькие пчелы.

Вылетев из улья, пчелы умирают, как и любовь, которая начиналась солнцем и медом, разделенными на двоих. Любовь обречена на умирание, необъяснимое, роковое:

Не отвязать неприкрепленной лодки,
Не услышать в меха обутой тени,
Не превозмочь в дремучей жизни страха.

И становится понятно, что она была обречена с самого начала:

Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного меда,
Как нам велели пчелы Персефоны.

Пчелы, которые станут мертвыми, символизирующие смерть, присутствуют уже в первой строфе: это пчелы Персефоны, жены Аида, и они повелевают.

Начало стихотворения — озаренный солнцем дар любви. Но вдруг солнце скрылось, мед превратился в ожерелье (замкнутость, безвыходность) из сухих, лишенных благодати, мертвых пчел. Это происходит в одно мгновение. Но внутри этого мгновения космос, обреченный на гибель.

Во времени, том, которое под руками, здесь и сейчас, Мандельштам находит свернутые пространства, вечности, кристаллизовавшиеся гармонии, при желании разворачивает их или оставляет имплицитными. Время у Мандельштама интер-

текстуально — из любого конкретного момента мы можем получить и историческую перспективу («За то, что я руки твои не сумел удержать...»), и вечность («Когда городская выходит на стогны луна...»), и даже выйти из-под власти времени («Умывался ночью на дворе...»). «Мандельштам воспринимает соотношение между временным и вечным как постоянное общение между этими категориями» [9. С. 107].

Время историческое Мандельштам, вслед за Бергсоном, видел динамичным, наподобие веера.

Время вспахано плугом, и роза землю была.

Эпохи, ушедшие в небытие, на самом деле существуют в культуре и искусстве и, подчиняясь власти художника, разворачиваются в вечности. Хранитель прекрасных эпох, Мандельштам запечатлел в своей поэзии в концентрированном виде красоту и магию ушедшего, одним только чувством поэтической правоты угадывая их гармонию. К. Мочульский, университетский сокурсник Мандельштама, помогавший ему в овладении греческим языком, утверждал: «Мандельштам не выучил греческого языка, но он отгадал его...

И покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный.

В этих двух строках больше «эллинизма», чем во всей «античной» поэзии многоученого Вячеслава Иванова... Эти стихи беспримерны в русской поэзии... Кажется, что написаны они на чужом языке, древнем и торжественном...» [8. С. 10].

«Мандельштам антропоцентричен в ощущении реальности, будь она пространственная или временная. У него человек — мерило всех вещей, так как только человек, созданный и искупленный Богом, свободен от ига времени» [9. С. 132]. Человек — необходимая часть сложного строения мироздания, острие творения. «Происходящее в жизни рассматривалось Мандельштамом с единственно верной точки зрения — воздействия на жизнь, судьбу человека» [2]. Поэтому мы считаем, что время в понимании Мандельштама — это категория, имеющая прямую связь с человеческой жизнью. Категория времени — понятие сугубо человеческое, необходимое нам для осознания изменений, для стимуляции личностного роста, для творчества. Время — наш проводник по дороге жизни. Не убийца, не враг — время фиксирует изменения и одновременно является их катализатором. Полноценно то время, которое наполнено «золотой заботой», «тяжестью» бытия. Поэт вплотную подходит к экзистенциальному пониманию сущности жизни, а может, в чем-то даже опережает его. Мандельштаму было свойственна «страсть к наслаждению» жизнью, вспоминала Надежда Яковлевна: «а наслаждался он всем, чего люди и не замечают: струей холодной воды из-под крана, чистой простыней, книгой, шершавым полотенцем... У него была редкая способность видеть мир глазами, полными любопытства, он на все смотрел и все замечал» [3. С. 199]. Ощущение времени как наполненности духовным и душевным переживанием — онтологическая доминанта Мандельштама: «Время — плоть деятельная, разрешающаяся в событие». Время индифферентно к линейности, поскольку время — это лишь

условие изменения. При отсутствии изменений — отсутствует и ощущение времени. Также верно и обратное: при высокой интенсивности переживаемых внутренних изменений — время наращивается. «Divina Commedia не столько отнимает у читателя время, сколько наращивает его, подобно исполняемой музыкальной вещи» [5. С. 374].

О соотношении времени, творчества и пространства пишет Мандельштам в загадочных Восьмистишиях: изменения возможны только в пространстве и во времени. Во внутреннем же мире нет ни пространства, ни времени. Там возможно все и всегда. Но не все и не всегда доступно нашему пониманию. Человеку надо много потрудиться, чтобы прийти к самому себе. Совершая труд познания во внутреннем мире, пробираясь к самому себе сквозь вечный и беспредельный «запущенный сад величин», поэт оказывает влияние и на мир пространства-времени, мир кленов, бабочек и парусных гонок, развивая тот орган, функционирование которого приведет человеческий род к гармонии лепестков, куполов и творчества.

Итак, главное в понимании времени поэтом — его «орудийность», действенная сила, являющаяся катализатором и мерилем личностных изменений. Время — категория бытия, отвечающая за процесс совершенствования. Наполним его значимыми событиями.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бергсон А. Творческая эволюция. — М.: Terra-Книжный клуб, Канон-пресс-Ц, 2001.
- [2] Карпов А.С. Осип Мандельштам. Жизнь и судьба. — М.: РУДН, 1998.
- [3] Мандельштам Н.Я. Воспоминания. — М.: Согласие, 1999.
- [4] Мандельштам О.Э. О природе слова / О.Э. Мандельштам. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. — М.: Художественная литература, 1990.
- [5] Мандельштам О.Э. Разговор о Данте / Полное собрание сочинений и писем в 3-х томах. Т. 2. — М.: Прогресс-Плеяда, 2010.
- [6] Мандельштам О.Э. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 2. — М.: Terra, 1991.
- [7] Манн Т. Волшебная гора. — М.: Художественная литература, 1967.
- [8] Мочульский К. О.Э. Мандельштам // Мандельштам и античность. Сб. статей под ред. О.А. Лекманова. — М.: Радикс, 1995. — С. 6—11.
- [9] Струве Н. Осип Мандельштам. — Томск: Водолей, 1992.

REFERENCES

- [1] Bergson A. Tvorcheskajajevoljucija. — M.: Terra-Knizhnyklub, Kanon-press-C, 2001.
- [2] Karpov A.S. Osip Mandel'shtam. Zhizn' i sud'ba. — M.: RUDN, 1998.
- [3] Mandel'shtam N.Ja. Vospominanija. — M.: Soglasie, 1999.
- [4] Mandel'shtam O.Je. O prirode slova / O.Je. Mandel'shtam. Sochinenija. V 2-h t. T. 2. — M.: Hudozhestvennaja literatura, 1990.
- [5] Mandel'shtam O.Je. Razgovor o Dante / Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 3-h tomah. T. 2. — M.: Progress-Plejada, 2010.
- [6] Mandel'shtam O.Je. Sobranie sochinenij v 4 tomah. T. 2. — M.: Terra, 1991.
- [7] Mann T. Volshebnaja gora. — M.: Hudozhestvennaja literatura, 1967.
- [8] Mochul'skij K. O.Je. Mandel'shtam // Mandel'shtam i antichnost'. Sb. statej pod red. O.A. Lekmanova. — M.: Radiks, 1995. — S. 6—11.
- [9] Struve N. Osip Mandel'shtam. — Tomsk: Vodolej, 1992.

THE CATEGORY OF TIME IN THE POETRY OF O. MANDELSTAM

A.V. Khlystova

Subdepartment of Russian and Foreign Literature
Philological Department
Russian University of Peoples' Friendship
Mikhlukho-Maklaja str., 6, Moscow, Russia, 117198

This article reveals the meaning of the category of time, which is cultural history and philosophical category in poetry of O. Mandelshtam. Ancient cultures exist in culture and the arts always. According to the artist's will, they resurrect in the eternity. It's an understanding of time in the context of history. But there is a philosophical understanding of time. The author of the article concludes that Osip Mandelstam understands the value of time as a special condition, catalyst, a way of being human in the world, which promotes the development, change and growth of a person. Time as «flesh active», is in the poems of O. Mandelshtam.

Key words: time, movement, Bergson, personality, development, Mandelstam.